

Mae Tee

ГЛАВА 41. Часть первая. В тюрьме.

– Василий, Будрам, Вассу, Раджу, Четси: пять минут на сборы. Держа в руках список, охранник через решётку перечисляет наши имена.

– Трансфер в другую тюрьму, быстро собирайте свои вещи и больше не задавайте никаких вопросов.

Только что выкурив большой кропаль гашиша, я стою и, глупо улыбаясь, смотрю на охранника. Какой трансфер? Меня должны скоро выпустить, это какая-то ошибка.

– Доминик, это что, шутка такая?

– Не, Вася, это не шутка. Тебя переводят в большую тюрьму. Тюрьму под названием «Васко».

– А как же Виктор, Джеймс, Антонио, Дэвид, Александро? Я что же, один из всех иностранцев переезжаю?

– Откуда нам знать, Вася? – отвечает бывший полицейский Четси, быстро собирая свои вещи.

– Я один никуда не поеду. Куда иностранцы, туда и я.

– Правильно, Вася. Ты, в отличие от нас, сможешь драться за свои права. Тебя не осмелятся бить, – говорит мне Доминик, стараясь поддержать морально. – Ты – иностранец, требуй посольство и адвоката.

В коридоре начинает ругаться начальник тюрьмы, толкая к входу собравшихся к переезду заключённых. Двадцать человек сегодня поедут в «Васко». Вялые попытки некоторых заключённых сопротивляться подавляются взмахами палок и громким криком джейлера¹. Проходящие мимо двери знакомые заключённые передают мне, что камера Виктора, вместе со всеми иностранцами, отказывается переезжать. Несколько проходящих мимо индусов, услышав об этом, тоже пытаются пройти по коридору обратно в свои камеры.

– Эй, мерадосты², передайте Виктору записку, – кричу я им, просовывая через решётку бумажку с коротким письмом: «Пока

¹Джейлер – Тюремщик.

²Мера дост – Мой друг.

охранники силу применять не будут, держитесь, я с вами, Василий».

Прибывший дополнительный наряд полиции выводит к тюремному автобусу Четси и Раджу.

– Я отказываюсь выходить, – усевшись на свои вещи, заявляю я начальнику тюрьмы. – Если мои друзья поедут, тогда и я тоже.

Через несколько минут ожидания возле решётки, я вижу возвращающийся по коридору отряд полиции, и за ним – моих европейских друзей, идущих в ряд.

– Ну всё, сопротивление подавлено, видимо, и мне пора с вами прощаться, – говорю я, пожимая руки моих сокамерников, остающимся в тюрьме «Мапса».

Из тюрьмы я выхожу последним. В отличие от остальных, у меня заняты вещами не только руки, но и шея. На шее висит связка из двух наволочек, наполненных моими книгами. Виктор помогает мне тащить ещё одну сумку с тюремным барахлом.

– Ты – как буржуй со своими баулами. Посмотри, у индусов – один-два пакета небольших. А ты весь обвесился сумками и ещё гантель свою тащишь. Ты хоть бы воду слил из своей гири, на двенадцать килограмм легче бы стало.

– Что-то я не догадался в суете. Я ведь, Вить, только что в камере чараса покурил. И тут про переезд объявили, – говорю я, откручивая у связанных между собой бутылок крышки. Слив воду, я последним захожу в автобус под аплодисменты моих друзей. Если бы не форма охранников, то можно было бы подумать, что компания весёлых друзей и приятелей собралась поехать на пикник. Автобус трогается с места и, на какое-то время, галдеж двадцати драг-дилеров и тридцати охранников стихает. Многие смотрят в окно, прощаясь с местом, в котором они провели больше года своей жизни. Я прожил здесь шесть месяцев. Прощай, Marusa Lock-up Jail. Всю дорогу заключённые молча рассматривают проплывающие за окном пейзажи. Всего час езды, и мы подъезжаем к мрачному зданию с огромными черными воротами.

– Это заведение посерьёзнее, чем Мапса, – угрюмо говорит итальянец иранцу. Здесь сидят те, кто срок получил до трёх лет, или те, у кого суд долго длится. А ещё, здесь начальник тюрьмы тот, что раньше в Мапсе был.

– Слышишь, Вить, что итальянец говорит?

– Что? – очнувшись от своих мыслей, спрашивает Виктор, уставившись через окно на чёрные железные ворота.

– Помнишь, три месяца назад в Мапсе был другой начальник тюрьмы? Он тебе ещё помидоры не разрешал заказывать, а мне коврик резиновый не отдавал?

– Помню вампира этого. Неужели, теперь здесь он ждёт нас?

— Да, Вить, ты угадал. Добро пожаловать в царство Дракулы, – говорю я, переступая открытую дверь в новую тюрьму. Одно радует, надеюсь, поселят нас теперь в одну камеру, – говорю я, сгружая с себя пакеты с тюремным барахлом.

Увидев в коридоре большое, в человеческий рост зеркало, многие сразу собираются возле него, по очереди разглядывая себя в отражении. Девять месяцев я не видел своего отражения. – По-моему, я отлично выгляжу, – радостно кривляясь перед зеркалом, говорит Виктор.

Наша группа, состоящая из одних иностранцев, первая поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж. Большую крытую площадку для прогулок окружает пять камер с решётчатыми дверьми. Много раз, давно, я смотрел различные фильмы, где главный герой попадает в тюрьму. Представляя себя на месте этого героя, моё сердце учащенно начинало биться, я всегда испытывал лёгкий страх. Оказавшись в настоящей тюрьме, я понял, что всё намного проще, чем в кино. Больше всего я опасался, что буду как-нибудь проявлять свой страх, но его совсем нет. Есть только безразличие. Огромное безразличие ко всему. Потому что то, что для меня действительно было жизненно важным, у меня уже отобрали. У меня больше нет ничего, кроме нескольких пакетов с пропахшими тюрьмой и плесенью вещами. Десятки любопытных глаз, встречая, смотрят на нас с разных сторон из-за зарешёченных окон. Открыв железную дверь, охранники запускают нас в камеру, размером раза в четыре больше, чем в Мапсе.

– Добро пожаловать в нашу тюрьму, – доносится чей-то голос из-за угла камеры. Меня зовут Энди. Я – главный по камере, – протягивая для знакомства свою руку, говорит худой, высокий индусский парень.

Обменявшись рукопожатиями, мы бросаем пакеты с вещами посередине камеры и садимся полукругом, осматривая пространство. Такие же жёлтые, облезлые и поеденные грибок стены. Шесть маленьких, зарешёченных окошек находятся выше уровня головы.

– Вить, если встать на цыпочки, то можно увидеть небо и какие-то промышленные здания. Здесь, по сравнению с Мапсой,

шикарный вид. Надо, Вить, как-то размещаться. Сколько же нас тут в камере человек?

– Двадцать, – говорит Виктор, просовывая свой пакет с барахлом в промежуток между двух чьих-то лежаков.

– Ты бы знал, Вить, как я соскучился по кровати, – говорю я, расстилая на полу свой резиновый коврик.

– А я и дома, Вась, на полу любил спать, – говорит Виктор, бросая чью-то засаленную подушку прямо на бетонный пол.

Увидев в стене гвоздь, вбитый чуть выше уровня головы, я радостно понимаю, что теперь у меня будет своя мебель. Проблем с размещением моих вещей больше нет. Привязав к гвоздю верёвку, сделанную из тряпки, я закрепляю на ней три старые зубные щётки. Используя щётки как крючки, я вешаю на них свои пакеты с пожитками. Ну вот, я и разместился. Осталось только в углу выложить стопкой свои книги. Дверь, так же как и в предыдущих двух тюрьмах, открывается так громко, что многие из заключённых вынуждены вздрагивать. Старший по камере, Энди, торопливо убавляет громкость телевизора, все жильцы камеры, бросив свои дела, садятся рядами на корточки в середине камеры.

– Вы тоже садитесь, – объясняет он нам. Сейчас нас будут считать.

В дверях появляется наш старый знакомый, бывший начальник мапсовской тюрьмы в окружении шестерых охранников. Всё та же противная рожа, только на его погонах сверкает ещё одна, недавно появившаяся звезда. В абсолютной тишине, возникшей в камере, начальник тюрьмы начинает молча нас пересчитывать, тыкая в каждого пальцем.

– Доброе утро! – громко и звонко, по-русски, нарушает тишину Виктор.

– Добраутра, – выучив одну-единственную русскую фразу, отвечает начальник тюрьмы своим тонким, пидорским голосом.

– Надо будет заявление написать, чтобы нас в Мапсу назад перевели, – шёпотом говорит Джеймс Дэвиду. – Это же в суд и обратно три часа каждый раз нас возить будут. Надо перебираться в старую тюрьму.

– А мне здесь больше нравится, я отсюда никуда больше не поеду, – заявляет, как всегда, своё оппозиционное мнение Виктор.

ГЛАВА 41. Часть вторая. На воле.

– Ну что, все готовы?

– Да! – хором отвечают две группы детей примерно Василюкиного возраста.

– Встаньте в ряд. В каждой группе по восемь человек. По моему свистку первые двое надевают мешок на ноги и прыгают вон до того стула, где вам машет рукой Илка... то есть, Олечка. Чья команда первая допрыгает, получит целый мешок подарков.

Лёша, бывший московский драг-дилер по кличке Бешеный, прекрасно справляется с ролью ведущего детского праздника. Оставив пару лет назад свой криминальный бизнес, Лёша, вместе со своей женой Ларисой, открыли маленький русский детский сад в Гоа. Лариса родила ему маленького Фёдку. Лёша быстро и легко вошел в роль «усатого няня», с удовольствием занимаясь и играя с детьми. Воспитывать детей было намного приятнее, чем продавать наркотики. Сегодня с детьми Лёша был в ударе, отрабатывая деньги, которые он оставался мне должен после последней драг-сделки, год назад.

Покурив со мной перед конкурсами чилум, он был в прекрасном настроении, общаясь и играя с детьми так, словно он был их ровесником. Детям это нравилось. Они с удовольствием с ним играли, баловались и весело визжали. На праздник в честь дня рождения Василюки собрались все её гоанские друзья.

– Мечтала ли ты, Лена, в своём детстве о подобном дне рождения? – обнимаю я свою любимую жену.

Мы, вместе с другими родителями, наблюдаем, как на пляже весело бесятся дети.

– Я вообще не помню ни одного своего детского дня рождения. У нас в семье не было принято устраивать в честь этого большие праздники. На море, помню, как нас мама с папой вывозили. Помню, как папа «вешался», таская десять чемоданов, меня, мою сестру и маленького брата. А о таком дне рождения я даже не мечтала никогда.

Отгородив цветными флажками и ленточками кусок пляжа напротив моего ресторана, Лёша проводит различные конкурсы, развлекая разноцветно одетых, весёлых и довольных детей. Дети гоанских фриков, наверное, самые красивые и самые весёлые дети, которых я когда-либо видел.

– Василюка сегодня принцесса, – гордо говорит моя Лена, держа меня за руку.

Моя дочка с детства воспитана в окружении всегда весёлых и жизнерадостных фриков, и так же, как её гоанские ровесники, она легко устанавливает контакт с любым взрослым или ребёнком. В её возрасте я вёл себя с окружающими людьми абсолютно по-другому. Мне было ужасно сложно познакомиться с кем-либо, и до школы я вообще предпочитал гулять с мамой. С детства воспитанный называть взрослых, начиная со слов «тётя» или «дядя», я, став уже взрослым, ещё долгое время испытывал дискомфорт, называя старших по именам. Для моей дочери таких понятий уже не существовало. Несмотря на возраст, она ко всем обращалась по имени, и всех считала друзьями. Мне не хотелось, чтобы у неё были такие же социальные комплексы, как и у меня, и может быть, поэтому я больше всего мечтал, чтобы моя маленькая принцесса выросла и получила воспитание в Гоа. На её день рождения сегодня приехали все школьные друзья, и даже классная руководительница – пожилая англичанка, напоминающая Мэри Поппинс на пенсии.

– Папа, папа, там два индуса тебя спрашивают, – подбежав ко мне, говорит Василинка, показывая пальцем на пляж.

– Судя по лакированным ботинкам и чёрным брюкам, к нам пожаловали менты, – говорю я шёпотом Лене.

– Пойду я, дочь, поговорю с дядями, они, наверное, тебя поздравить пришли. Ты пойдёшь, поиграй пока с друзьями, – говорю я дочери, направляясь к ожидающим меня двум неприятным типам.

– У вас есть разрешение на проведение пати? – спрашивает один из полицейских с лицом, как у шимпанзе.

– Какое пати? Время шесть часов вечера, вы что, обезьяны, совсем с ума сошли? Музыка детская негромко играет. Вы разве не видите, что проводится детский день рождения? Воздушные шарики, разноцветные колпачки, разве так выглядит трансное пати? Вон и учительница их школьная стоит. Родители не пляшут. Всё прилично. Через пару часиков всё закончится и все разойдутся.

– А почему часть пляжа огорожена разноцветными флажками?

– Так ведь детские конкурсы проводят, – отвечаю я, начиная терять терпение. Кому мешает это ограждение?

– Сейчас же закрывайте пати, или мы вызовем отряд полиции. Незаконное пати – это серьёзное правонарушение, и снимайте немедленно ограждение с пляжа, это государственная собствен-

ность, – раздуваясь, словно бабуин, начинает возмущаться маленький полицейский, стоящий рядом с человеком-шимпанзе.

– Идите в жопу, звоните куда угодно, ничего я закрывать не буду. Видите, вон стоит парень с ротвейлером, это – Тамир Ахмедов, у него дочка тоже приехала на детский праздник. Попробуете помешать празднику – собаку на вас спустим.

– Мы сейчас шефу полиции позвоним, посмотрим, что ты будешь делать, когда сюда отряд полиции приедет, – начиная набирать номер на своем сотовом телефоне, говорит полицейский шимпанзе.

– Давай, звони, и не забудь передать ему, что Тамир Ахмедов со своей дочкой тоже здесь, ждёт приезда отряда. Если вы сами не знаете, кто это такой, спросите у вашего шефа, – говорю я, уходя в сторону своего ресторана.

Поговорив о чём-то несколько минут, индусы молча уходят прочь.

– Ну что, Тамир, давай может, пока наши дети играют, чилум покурим?

– А что же, Васо, не покурить, я и чилум уже приготовил, – говорит он, показывая на красивый итальянский чилум, лежащий на столе. – Давно я, Вась, в Арамболе не был, – говорит мне самый известный трансовый русский ди-джей, вытаскивая из кармана кусочек чараса и красивый миксинг-бол. Как пати стали запрещать, так и перестал сюда ездить. Лет пять назад мы здесь, в Арамболе, последний раз пати трансовое проводили. С тех пор я здесь не был больше.

– Ну вот, ты снова на пати в Арамболе, правда, на детском. Раньше, Тамир, у нас в доме фрикующие туристы жили. Мы часто на твои пати ходили. А сейчас десять комнат у нас занимают почти все одомашненные, семейные полуфрики. Все детьми обзавелись, на пати редко кто ходит. Вот сейчас перед нами дети этой психоделической любви.

Докурив и почистив свой чилум, Тамир направляется к детям.

– Так дети, все слушайте меня. Я сейчас покажу вам один веселый конкурс, – громко, с еврейским акцентом, кричит он, привлекая внимание сразу всех детей. – Кто его выиграет, получит от меня приз.

– Красавец всё-таки Тамир, – обращается ко мне Маша, бывшая жена одного из «нунуйцев». – Профессиональный массовик-затейник. Что для взрослых лучшие мероприятия проводит, что

для детей. Помнишь, Вась, в «Лотус Инне», возле бассейна, он день рождения проводил для своей дочери? Много детей тогда собралось, он им ещё фокусы показывал. Все дети визжали от радости. Любит он детей, и они его тоже уважают и слушаются.

– А мне, Маш, запомнился тот детский праздник тем, что подходит ко мне Тамир и говорит: «Пойдем, Васо, в кусты чилум покурим, а то моя мама из России приехала, не хочу, чтобы она знала, что я чарас курю». Очень трогательно и забавно это выглядело со стороны. Сорокалетний ди-джей, вождь всех русских трансеров, настоящий психоделический шаман, а так заботливо заботится о своей престарелой маме. Не хочет, чтобы она за него переживала. «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку...» – раздаётся из колонок детская песенка. Забавно наблюдать, как группа взрослых людей, одетых в самые невообразимые гоанские одежды, пританцовывает под эту музыку, поглядывая за своими играющими детьми. Кто-то курит чилум, кто-то попивает глинтвейн. Почти все дети похожи причёсками или одеждами на своих взрослых родителей. Греческий ди-джей Тео сделал своему сыну такой же, как у него, гоанский ирокез, переходящий в косичку на затылке. Маша одела свою Алёнку в такую же, как её платье, одежду ярко-малинового цвета. У Василинки на голове пятьдесят тонких косичек с вплетёнными разноцветными ленточками, таких же, как и у моей Лены.

– Саня, где ты сумел достать такую же фричную жилетку для своего сына, ему же всего один годик?

– На Найт Маркете купил, себе покупал, а заодно и сыну. Скажи ведь, Вась, прикольно?

– Да, выглядит мило. Я, кстати, с тобой хотел поговорить. Что делать, Сань, будем с рестораном?

– А что с ним делать? – удивленно спрашивает у меня мой напарник.

– Помнишь, Сань, месяца три назад я тебе говорил, что хочу продать свой ресторан. Так вот, мне за него один из туристов пять тысяч долларов предложил. Но тебе, Сань, как напарнику, я готов первому его продать. Сколько денег я в него вложил, за столько и отдаю.

– Что-то дороговато, Вась, ты же продаешь не землю, а мебель, холодильники. Они за три года поизносились хорошо.

– Так зато, Сань, имя мне за три года раскрутить удалось. Ресторанная утварь хоть и поношенная, но вполне ещё несколько лет прослужит. Набери в интернете «Хэмп, Гоа» и увидишь, сколь-

ко ссылок, фоток, информации о моём заведении. Даже на всемирной карте Гугла кто-то разместил фотографию моего заведения. Раскрученное место, народ постоянно в ресторане есть. Ты вернешь свои деньги всего за один сезон. Разве это дорого?

– Не верю я, Вась, что кто-то тебе пять штук баксов за него даст. По-моему, трепятыя впустую твои туристы. Я готов в следующем сезоне снова с тобой работать.

– Нет, Сань, в следующем сезоне я буду открывать другой ресторан. Смотри, я тебя предупредил, потом не обижайся, что не тебе продал.

– У меня, Вась, сейчас другая проблема, в Непал я поехать собрался на следующей неделе. Поработаешь за меня?

– Конечно, Сань, поработаю, не вопрос. Ты только к закрытию приезжай, а то мне одному тяжело будет ресторан разбирать. И, заодно, перед сезоном дождей свой холодильник с мебелью заберишь, а то ведь после закрытия, в новом сезоне у ресторана новый хозяин будет. И оставь мне перед отъездом штуку баксов. Зарплату поварам и официантам нужно будет выплатить.

– Вась, нет свободных денег сейчас у меня. Ты же знаешь, я со своей женой землю в Гоа купил, дом строить будем. Давай по приезде я тебе отдам.

– Ну, хорошо, Сань, нет проблем. Езжай спокойно в свой Непал, увидимся через месяц.